К.В.Маркелов,
кандидат филологических наук

МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

ПОНЯТИЕ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Понятие «гражданское общество» стало входить в обиход общественной мысли еще в XVII в. Английские философы раннего Просвещения отождествляли его с государством, которое образуется путем общественного договора между людьми, ведущими войну «всех против всех»[1], а также между народом и правителем, основная государственная обязанность которого должна состоять в том, чтобы защищать личную свободу и частную собственность граждан[2].

Идею Локка о либеральной сущности гражданского общества развил французский мыслитель Ж.-Ж.Руссо. «Тот, кто первый отгородил участок земли и осмелился сказать “это принадлежит мне”, и нашел людей, которые были достаточно глупы, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества»[3].

Одним из первых, кто стал придавать понятию гражданского общества специфический негосударственный оттенок, был Г.Гегель. Согласно Гегелю, гражданское общество есть система частного интереса, а соотносимое с ним государство – система всеобщего интереса. Основным принципом гражданского общества он считал доминанту личного над общественным, а основной лозунг: «Каждый для себя – цель, все другие суть для него ничто»[4]. Эта либерально-негосударственная модель гражданского общества, предполагающая жесткое разграничение государственной власти и частного интереса, стала «классической» для общественной и политической мысли XIX и первой половины XX вв.

В контексте современных (постклассических) представлений о структуре общественных отношений понятие гражданского общества стало приобретать иное, более мягкое и «благостное» звучание. Под

---

[1] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства: Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1991.

[2] См.: *Локк Д.* Опыт о человеческом разуме. М., 1996.

[3] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М., 1938. С. 4.

[4] *Гегель Г.* Философия права. М., 1988. С. 35.

гражданским обществом сегодня принято понимать комплекс внегосударственных общественных отношений (Р.Дал, Г.Г.Дилигенский, Д.Т.Жовтун, А.А.Зиновьев, Г.Иоас, Ф.Кондорши, М.Маркус, М.Молнар, В.В.Мостовой, А.Селиджмен, А.К.Уледов, Э.Ханкиш).

Так, Маркус определяет гражданское общество как институциализированную сферу конкуренции групп интересов, которые изолированно друг от друга противостоят государству и пытаются оказывать давление на него ради приобретения преимуществ[1].

Согласно Кондорши, гражданское общество – объединение индивидуумов в организации, а также сеть самостоятельных образований, которые по специфическим правилам своего возникновения и функционирования отличаются от институтов государства. Назначение гражданского общества – противопоставлении воле государства интересов и чаяний населения, которое оно представляет[2]. Дилигенский определяет гражданское общество как общество автономных от государства индивидов и социальных объектов[3]. По Уледову, гражданское общество есть «высокоразвитая общность людей, обладающая суверенным правом на жизнедеятельность, самоуправляющаяся и осуществляющая контроль над государством»[4].

Д.Т.Жовтун дает еще более мягкую трактовку гражданского общества и рассматривает это социальное явление, как «совокупность отношений между лицами, группами, институтами и организациями, не опосредованными государственной властью, как общество с самоуправляемыми структурами»[5]. Далее автор поясняет, что современное понимание гражданского общества так или иначе обусловлено его либеральной трактовкой: «Оно формируется в процессе раскрепощения индивидов и их превращения из подданных государства в свободных и социально-активных граждан-собственников»[6].

Как видим, либеральный компонент определения гражданского общества не исчез. Просто он стал более замаскированным, спрятанным в «руде» модных социальных теорий и новоиспеченных поли-

---

[1] См.: Государственная служба за рубежом. Гражданское общество и право: Реферативный бюллетень. 2003. № 1. С. 19.

[2] См. там же.

[3] См.: Массовые информационные процессы в современном мире: Очерки. М., 2002. С. 70.

[4] *Уледов А.К.* Взаимодействие гражданского общества и государства (теоретико-методологические аспекты анализа) // Имидж госслужбы: Сборник научных трудов. М., 1996. С. 22.

[5] *Жовтун Д.Т.* Проблемы взаимодействия государства и гражданского общества // Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. 2001. № 2. С. 75.

[6] Там же. С. 76.

тологических терминов. И еще одна важная деталь: в современной теории гражданского общества скрыто или явно наличествует противопоставление государственной власти и государству в целом как социальному институту, хотя некоторые отдельные западные исследователи это и отрицают (Иоас в качестве примера отрицания этого тезиса приводит США и страны Скандинавии, в которых государственная власть, по его мнению, активно участвует в создании гражданских институтов и формирует условия существования гражданского общества)[1].

Тем не менее противопоставление государства и гражданского общества в современных политических теориях и практиках не только присутствует, но и доминирует. Однако если для западного общества такое противопоставление допустимо и даже является социально органичным (функцию государственности, по мнению А.А.Зиновьева, там заменило «Сверхобщество», консолидировавшее функции национальных государств Запада[2]), то для современной России, в которой никакого «Сверхобщества» нет и в ближайшее время не будет, такое противопоставление, доходящее порой до антагонизма, является в высшей степени опасным.

Мы, россияне, живем в России, где s территории – вечная мерзлота, где среднегодовая температура – 5,5 градуса по Цельсию, где в зонах активного земледелия по полгода лежит снег. Мы живем в стране, где горбушей в период нереста кормят свиней, потому что это дешевле, чем кормить помоями. Мы живем в стране, где скотину до конца XIX века держали в хозяйстве ради навоза, а не ради молока и мяса, которые являлись побочным продуктом хозяйствования. И наконец, мы живем в стране, где социальный статус часто не соответствует уровню доходов (охранник может получать в несколько раз больше профессора, а дворник или уборщик – больше врача или учителя).

Мы живем в парадоксальной, во многом мистической стране, на которую либеральные схемы А.Смитта и Ф.Хайека не накладываются, а если их упорно применять, следуя неким «высшим экономическим принципам», то численность населения начинает снижаться, хотя согласно эти законам народ должен активно и весело размножаться. Неудивительно, что идеал сильной государственности стал в России общенациональным. Именно на его основе и была создана великая Российская империя, а впоследствии – мощный унитарный многонациональный Советский Союз.

---

[1] См.: Государственная служба за рубежом. Гражданское общество и право: Реферативный бюллетень. 2003. № 1. С. 156 – 157.

[2] *Зиновьев А.А.* На пути к Сверхобществу. М., 2002.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО КАК ОБЪЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ

На протяжении всей своей истории Россия постоянно подвергалась нападениям извне. Крестовые походы католической Европы, татаро-монгольское нашествие, польская и шведская интервенции во времена «смуты», Наполеон и Отечественная война 1812 года. В XX веке только с Японией и Германией Россия воевала по два раза.

И сегодня Россия живет не в замкнутом политическом контуре. Она подвергается активному воздействию других геополитических систем, стран, военно-политических блоков, цивилизаций, рынков и капиталов. Россия не просто существует в конкурентной среде воюющих за ресурсы государств. Она находится в условиях проигравшей «холодную войну» бывшей сверхдержавы, выплачивающей победителю контрибуцию в форме территориальных, экономических и идеологических уступок.

Если проблему формирования российского гражданского общества рассматривать с точки зрения геополитического, экономического или информационно-психологического мирового противоборства, то она не только усложняется, но и приобретает совершенно новые смысловые оттенки. Смысл концепции гражданского общества кардинальным образом меняется в зависимости от того, в обороняющейся или наступающей, победившей или проигравшей стране находится или строится это самое гражданское общество.

Запад в «холодной войне» победил своего главного противника и геополитического конкурента – блок социалистических государств во главе с СССР. Сегодня Запад – безраздельный хозяин планеты. В стане победителей и стане проигравших гражданское общество – суть две разных смысловых категории, имеющих между собой лишь видимое сходство. В лагере победителей в «холодной войне» – это авангард социальных преобразований. В стане проигравших – «пятая колонна» победителей, идеологически и информационно оформленная под авангард социальных преобразований.

Это только на первый взгляд утверждение Гоббса и Локка об идентичности государства и гражданского общества может показаться нелепым. В контексте современных геополитических событий «нелепость» этого утверждения будет распространяться исключительно на западное либеральное общество, выступающее в роли экономического, геополитического, информационного и культурного субъекта экспансии по отношению к странам не-Запада, в том числе России. Но по отношению ко всему остальному незападному миру, который частично сдался на милость победителя, а частично продолжает обо-

роняться, это утверждение окажется логически комплиментарным. Для людей, проживающих в странах не-Запада, в первую очередь государство, а не гражданское общество, выполняет функцию защитника от потенциальных и реальных геополитических агрессий.

Приведем несколько тезисов, в той или иной степени отражающих взгляды отечественных ученых-обществоведов новой постперестроечной формации (А.А.Зиновьев, С.Г.Кара-Мурза, А.С.Панарин, А.П.Паршев и др.) в отношении проблем «открытого общества», глобализации, вестернизации и т.д.

Тезис 1. Об антигосударственной сущности геополитической концепции «открытого общества»

Так называемое современное открытое общество имеет одностороннюю направленность. То, что идеологи западного либерализма называют глобальным «открытым обществом» или глобальным рынком, означает запрет для остального незападного мира «прятать» свои национальные ресурсы от глобальной конкуренции, конечное назначение которой – передать из рук тех, кто плохо ими пользуется, в руки более умелых и приспособленных, т.е. западной экономической элиты. При этом сам Запад не только не торопится открываться, но, напротив, максимально отгораживается от остального мира при помощи визовых систем, буферных зон, через строительство реальных пограничных стен (например, между США и Мексикой или Палестиной и Израилем, который является главным форпостом Запада на Ближнем Востоке), а также при помощи экономического лоббирования своих национальных интересов на мировом рынке товаров и услуг.

Тезис 2. О механизмах реализации геополитической концепции открытого общества

В рамках либерального проекта вестернизации мира открытое общество означает ослабление национальных границ и других защитных механизмов национальных государств не-Запада. Либеральные проклятия в адрес национального государства посылаются по следующей причине: оно расценивается как орудие защиты в руках слабых, мешающее овладению мировыми людскими и природными ресурсами. Всемерная дискредитация этого орудия защиты входит в число главных задач современной западной либеральной экономической и политической идеологии. Отсюда требование полного невмешательства национального государства в гражданские (в первую

очередь экономические) отношения. Если это требование не выполняется, непокорное государство объявляется авторитарным, тоталитарным, террористическим, зачисляется в «ось зла» и практически ставится вне закона.

Тезис 3. О социальных причинах «крестового похода» либералов против государства

Либерализм атакует институт государства потому, что оно в XX в. стало социальным, заставляющим предпринимателей считаться с социальными завоеваниями масс. По мнению А.С.Панарина, речь идет не о добросовестном негодовании против государственного и бюрократического насилия (либералы вполне откровенно поддерживают насилие пиночетовского типа), а об ответном восстании буржуа на предыдущие восстания масс, завершившиеся беспрецедентным укреплением социального государства и восстановлением консенсуса в обществе.

Если допустить, что предлагаемые тезисы уважаемых политологов верны, то вывод по данной проблематике можно сделать следующий: основная задача современных идеологов западного либерализма состоит в том, чтобы лишить страны не-Запада главного орудия самозащиты, каким является государство.

Таким образом, с точки зрения национальной безопасности России, *идеал сильной государственности сегодня превращается в инструмент социальной защиты* от новых информационно-психологических, экономических и культурологических технологий, при помощи которых реальные и потенциальные геополитические агрессоры пытаются воздействовать на нашу страну. Общественный идеал в такого рода ситуации обречен выполнять функцию иммунной системы нации, нейтрализующей разрушительную деятельность агрессора в структуре социального организма. Для обороняющихся наций сильное государство – наиболее прочная и верная форма внешней и внутренней защиты. Для россиянина государство – это в первую очередь Родина и Отечество, выполняющее самые разные функции, в том числе тех или иных социальных институтов, которые в условиях геополитической борьбы за мировые людские и природные ресурсы не только не могут быть автономными, но должны быть жестко вписаны в общие правила выживания, установленные государством. В противном случае нация может окончательно потерять фактический суверенитет и превратиться в протекторат завоевавшей его метрополии.

Показательны результаты Всероссийского социологического опроса, проведенного в 2003 г. Институтом комплексных соци-

альных исследований РАН. В анкете предлагалось указать ту гипотетическую партию, которой респондент оказал бы предпочтение (см. табл. 1).

Таблица 1

Предпочтения тех или иных гипотетических партий в составе среднего класса и остального населения

(в % от количества опрошенных)*

Гипотетические партии	Средний класс	Остальное население
Партия, защищающая обездоленные слои населения	24,2	40,8
Партия, выражающая интересы активных, способных добиваться успеха слоев общества (бизнесменов, высококвалифицированных специалистов и др.)	10,7	5,4
Партия, выражающая интересы государственных служащих	4,5	4,6
Партия, отстаивающая интересы русского населения, выступающая за ограничение наплыва в страну эмигрантов	18,9	20,5
Партия, выступающая за права и свободы граждан, против государственного произвола и диктатуры	31,6	25,6
Партия, выступающая за общественное самоуправление и повышение роли трудящихся в управлении производством	7,6	9,2
Партия, выступающая за воссоздание в России мощного и крепкого государства	49,7	47,5
Партия, выступающая за повышение самостоятельности регионов России, усиление их роли в выработке общей политики	9,9	7,1
Партия, выступающая за развитие рыночных отношений в российском обществе	14,4	5,8
Другая партия	0,9	0,8
Нет партийных предпочтений	11,1	16,6
Затруднились ответить	9,8	9,4

* *Источник:* Российский средний класс: динамика изменений (1999 – 2003 гг.) Аналитический доклад ИКСИ РАН. М., 2003.

Из таблицы видно, что у российского среднего класса, который составляет большинство, а также остального населения нашей страны из предлагаемых на выбор гипотетических партий на первое ме-

сто вышла партия, выступающая за воссоздания в России мощного и крепкого государства (49,9 и 47,5 % соответственно). По всей вероятности, российский народ хорошо чувствует, откуда следует ждать опасности и какая защита является лучшей.

Как показывает история, независимые от государства гражданские институты могут эффективно работать лишь в узкой полосе тепличных социальных условий, характеризуемых отсутствием стратегических угроз национальной безопасности в виде потери суверенитета. Если такие условия не созданы, гражданское общество начинает работать против государства.

Государство по своим базовым целям противоположно гражданскому обществу. Идеальное государство, в отличие от классического гегелевского гражданского общества, – это коллективная защита всех без исключения представителей нации, а не совокупности ее отдельных членов, образующих «профсоюз собственников», либо другие внегосударственные (гражданские) социальные образования. Согласно мнению Г.В.Атаманчука, государство есть прежде всего объединение общества, выражающее *всеобщие* потребности, интересы и цели[1].

Основной тезис данной статьи состоит в следующем: вводить революционным путем структуры классического западного гражданского общества в экономически и культурно атакованной России опасно и бессмысленно. Это примерно то же, что вводить рыночные отношения и демократические процедуры в обороняющейся армии. Комитет солдатских матерей, конечно же, необходим, но он не должен командовать воюющими солдатами. Институты гражданского общества в период войны не должны управлять государством, а функции социального контроля над государством должны быть тщательно продуманы.

Ситуация с «хвостом», который пытался махать «собакой», реально возникла в 1917 – 1918 гг. на российско-германском фронте. Временное правительство, чтобы удержаться у власти, вынужденно было пойти на «окопную» демократию. Суть этой солдатской демократии снизу заключалась в следующем: решение идти (или не идти) в бой принималось коллективным голосованием рядовых бойцов на передовой; генералы и командующие избирались солдатами и младшими чинами также путем голосования; вышестоящими командирами не возбранялось братание и обмен оружием с «пролетариями» из вражеской армии и т.д. и т.п. Чем для России окончилась Первая мировая война, известно: в 1918 г. был подписан унизительный Брест-

[1] См.: *Атаманчук Г.В.* Сущность государственной службы. М., 2002. С. 111 – 112.

ский мир, лишающий Россию значительной части своих западных территорий.

Примерно такая же ситуация, но только в экономической сфере, сложилась в СССР в период «перестройки», когда директора некоторых предприятий не назначались сверху, как это было при «застое», а «демократически» избирались прямым голосованием снизу (такая практика отчасти сохранилась и по сей день). Как следствие – массовые хищения и банкротства предприятий, развал важнейших отраслей промышленности и многократный спад производства.

Из сказанного не следует, что классическое гегелевское гражданское общество России противопоказано. Речь идет не о том, надо или не надо в России строить гражданское общество (или создавать условия для его самоорганизации). Речь идет о приоритетах. Сначала необходимо восполнить потери от поражения в «холодной (геополитической) войне», восстановить хотя бы частично державный статус-кво, максимально укрепить государство. Россия из состояния обороны должна перейти к стабильному миру, восстановить экономику. Только после этого можно строить классическое гегелевское гражданское общество (при условии, что у народа будет желание). Постклассическое гражданское общество, по Уледову, можно начинать строить уже сегодня, но не как противопоставление, а как необходимое демократическое дополнение к ослабленной бесконечными войнами российской государственности.

Оппоненты могут возразить: мол, Россия всю свою историю находилась в состоянии войны, то «холодной», то горячей, то экономической, то информационной. Где гарантия того, что долгожданный стабильный мир наступит, и гражданское общество наконец будет построено? Такой гарантии никто дать не может. Но не рушить же государство во имя идеального, во многом иллюзорного, а для России в ближайшем будущем утопического гражданского общества?! А именно это на постперестроечной волне мы пытаемся делать, укрепляя негосударственные институты в противовес (а не в дополнение!) государственным.

Для российских политиков должен стать очевидным следующий императив: на войне не до гражданского общества. Чтобы взять в руки бюллетень для голосования, сначала надо выпустить из рук винтовку, но чтобы выпустить из рук винтовку, войну сначала надо выиграть или на худой конец заключить с противником перемирие. Судя по активному продвижению НАТО на Восток перемирие, даже временное, заключать с нами никто не собирается.

Похожая ситуация складывается и на культурном фронте. Все современные российские телешоу, за исключением «Что? Где? Когда?»,

«КВН» и еще двух-трех передач, скроены по американскому образцу. В кинопрокате – засилье американских фильмов. Программное обеспечение компьютеров – американское.

Не обошло американское влияние и систему российских СМИ. За годы перестройки и последующих реформ наша традиционная очерково-репортажная журналистика была насильственно вытеснена американским информационным коктейлем из новостной и развлекательной журналистики. И сегодня на страницах большинства российских газет и журналов доминируют два журналистских «сверхжанра» – политическая сенсация и «фикшн» (бульварное «чтиво»). Ничего плохого в культурном обмене нет, при условии, что обмен этот равноценный и дополняющий, а не замещающий и «вымывающий» национальные традиции.

Оппоненты могут возразить: мол, рынок, расставляет все по своим местам. Рентабельная, т.е. приносящая прибыль продукция, должна вытеснять нерентабельную. Таков закон «естественного отбора» в экономике. Идти против него нельзя, потому что он – залог прогресса. Но применим ли этот закон к культуре? Как отмечает А.С.Панарин, высокорентабельна порнографическая индустрия, но заведомо убыточны Большой театр, филармония, национальная библиотека[1]. Убыточны, разумеется, в ближнесрочной, сиюминутной перспективе. Согласно законам рынка, перечисленные социальные институты и культурные объекты должны естественным путем «отмереть» в пользу игровых автоматов, порнографии и наркотиков. И они действительно постепенно отмирают.

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Аналогичным образом обстоит дело и в России «информационной». Информационную сферу общества, на наш взгляд, следует рассматривать как часть культуросферы, которая в рыночной системе свободной «купли-продажи» всегда будет покупаема и перекупаема теми, кто больше заплатит. Государственная информационная политика в эпоху небывалого низвержения и максимального ослабления государственности, по сути, утрачивает сущность государственной и под официальным прикрытием государственных символов превращается в негосударственную (частную, корпоративную, партийную, олигархическую), а иногда даже и в открыто антигосударственную.

---

[1] См.: *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 268.

В эпоху президентства Б.Н.Ельцина государственная информационная политика проводилась с определенным идеологическим подтекстом. Обществу настойчиво внушалась мысль, что установившийся политический режим – исторически единственно возможный. СМИ продолжали работать на тех, кто находился у экономической власти, т.е. тех, кто владеет и распоряжается финансовыми потоками. По мнению итальянского журналиста Д.Кьезо, при Ельцина слияние между олигархами и Кремлем породило своеобразный симбиоз: «Первые автоматически защищали интересы второго, а второй гарантировал первым сохранность их коллективной монополии в информационном пространстве»[1]. В определенной степени, хотя и со значительными изменениями, такая модель отношений государственной власти и бизнеса сохранилась и сегодня.

Центральные и региональные российские СМИ с начала реформ (т.е. с 1992 г.) вынужденно находятся в системе рыночных отношений, зарабатывают деньги через рекламу, PR, обслуживают выборы в федеральные органы власти. Современные российские СМИ существуют либо в условиях дикого рынка, либо в феодальной зависимости от местного руководства, которое, в свою очередь, тоже зависимо от этого самого «рынка», состоящего из региональных олигархических царьков и мафиозных кланов. В таких условиях отстаивать общенациональные интересы пресса может только в том случае, если государство будет ей платить за свои услуги больше, чем частный легальный или мафиозный капитал. Но допустят ли финансовые и мафиозные группы, имеющие влияние в парламенте и правительстве, ситуацию, при которой государство позволило бы себе с ними финансово, а значит и идеологически, конкурировать?

Вопрос наивно-риторический: где это видано, чтобы олигархи добровольно уходили «в отставку»? В России (в отличие от Запада, где государство стало социальным именно благодаря «восстанию масс») только под нажимом реальной «самодержавной» силы можно построить социально ориентированное государство. Но для этого нужна политическая воля. Не зря В.В.Путин повел беспощадную борьбу с нечестно нажитым сверхбогатством. Поэтому ситуация в государственной идеологии и экономике постепенно, но верно, стала меняться в сторону *реализации идеала социальной справедливости.* Этому процессу способствует и уровень доверия Президенту РФ со стороны российских граждан (см. табл. 2).

---

[1] *Кьезо Д.* Миф о «четвертой власти» // Лит. газета. 2003. 30 апр. – 6 мая.

Таблица 2

Уровень общественного доверия различным структурам власти
(в % от количества опрошенных)*

Структуры власти	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Президент России	69,0	71,2	69,9
Правительство России	32,4	32,0	33,1
Государственная Дума	17,5	21,2	21,6
Суды	16,0	26,7	28,3
Прокуратура	15,8	25,4	29,3
Органы безопасности (ФСБ)	30,4	36,2	42,8
Органы внутренних дел	17,3	20,0	21,3

* *Источник:* Государственная служба и гражданское общество в условиях проведения административной и судебно-правовой реформ: Материалы социологического исследования (1 – 7 октября 2003 г.). М., 2003. С. 6.

Как видно из таблицы, именно президентская власть и лично В.Путин отождествляются подавляющей частью российского народа с властью государственной, традиционно призванной отстаивать интересы всей нации, а не отдельных политических, финансовых или партийных группировок.

Когда речь заходит о российской государственной информационной политике (которую мы рассматриваем как «государственное управление информационной сферой»[1]), мы должны иметь в виду, что в тех сложных условиях, в которых находится современная Россия, эта политика самой российской историей призвана отстаивать духовные, культурные и информационные интересы всей нации. Она призвана быть патриотичной, т.е. оберегающей нацию от информационной агрессии извне, вдохновляющей граждан на строительство России как общего дома и дающей народу надежду на возрождение страны как геополитической сверхдержавы, несущей миру идею веротерпимости, национального единства и социальной справедливости.

Кстати, о справедливости. По мнению профессора В.Д.Попова, этот базовый для российского народа социальный идеал может быть достигнут только с помощью авторитарно-гуманистической парадигмы информационной политики, предполагающей синтез директивного и синергетического типа социального управления, несущего черты административного диктата сверху и творческой самоорганизации

[1] Информационная политика: Учебник / Под общ. ред. В.Д.Попова. М., 2003. С. 10.

снизу[1]. Иными словами, информационная политика государства должна, с одной стороны, формировать содержание массового сознания, с другой – пробуждать в человеке и обществе все самое хорошее, выявлять возможности для реализации всех творческих потенций, заложенных как в отдельной личности, так и во всей нации, и самое главное – вселять веру в лучшее будущее.

О будущем мы заговорили неслучайно. Надежда на лучшее, пусть и далекое, будущее для российского народа, обладающего эсхатологическим сознанием, имеет особое значение. Благодаря этой «наивной» и «утопичной» вере в лучшее справедливое «завтра» он не только выживал, но и творчески развивался, создавая социальные мотивации высочайшего горения, без которых цивилизация серебряного века русской поэзии и космических технологий оказалось бы невозможна.

Официальная российская идеология, а также государственная информационная политика, которая в той или иной степени является проводником идеологии, находятся сегодня на перепутье. Она застыла «в раздумье», выбирая, кому отдать свое «сердце» и свои «мозги» – гражданскому обществу, воплощающему идею либерализма и колониальной вестернизации, или государству, выражающему интересы нации. Конечно, гражданское общество, помимо либерализма, выражает и другие социальные идеи, а государство не обязательно выражает интересы всей нации. Но речь в данном случае идет о выборе главного принципа развития и функционирования российского социума.

В контексте обсуждения концепции государственной информационной политики вопрос можно поставить следующим образом: какую социальную идею преимущественно будет обслуживать система российских СМИ и МК в ближайшем будущем: идею абсолютной свободы в рамках «колониальной демократии» (по А.А.Зиновьеву) или идею социальной ответственности в рамках демократии народной? Идею доминанты гражданского общества над государством или государственных интересов над частными и корпоративными?

Это вопрос принципиальный. Его нельзя решить в примирительном ключе, через диалектический синтез «того и другого». Россия – страна моноидейная. Это означает, что одна господствующая социальная идея склонна вытеснять все остальные. В советское время доминировала идея коммунизма и сильной государственности. В 1990-е гг. на фоне беспрецедентного ослабления государственных институтов безраздельно господствовала идея либерализма. Но советский строй был разрушен, а либерализм западного типа не прижился, о чем свидетельствует провал правых (либеральных) партий

[1] См.: *Попов В.Д.* Тайны информационной политики. М., 2003. С. 90 – 97.

на парламентских выборах 2003 г., и сегодня мы наблюдаем идейное брожение, которое можно расценивать как состояние временной безыдейности, хаоса, идеологического тумана и т.д. Социум как бы выбирает один из возможных магистральных путей развития. Сторонник синергетической концепции сказал бы, что Россия проходит точку бифуркации (эволюционной развилки), после чего стратегия развития общества определится на долгие годы вперед.

Наш прогноз стратегического развития России основывается на естественном для каждого россиянина желании укрепления мощи государства, в котором он живет и в котором будут жить его дети и внуки. О таком желании россиян красноречиво свидетельствуют данные социологических опросов. Согласно данным всероссийского опроса, проведенного ИКСИ РАН, большинство респондентов на вопрос об идее, способной объединить общество, высказались за идею единения России в целях ее возрождения как великой державы (41,4 % в 1995 г. и 48,3 % в 2001 г., что среди других вариантов ответов составило первую позицию)[1].

Российский народ отнюдь не такой «круглый дурак», как это пытаются представить в некоторых СМИ. Наученный тысячелетней историей выживания, он хорошо понимает, что только мощное и суверенное государство даст возможность выжить в сложнейших экономических и геополитических условиях. Народ не против гражданских институтов. Он их одобряет и поддерживает, что подтверждается опросами социологов[2]. Но приоритетом для него все-таки является государство.

И еще один важный прогностический аспект: в контексте глобальной геополитической нестабильности только сильное суверенное государство даст возможность построить в России то самое светлое и социально продвинутое гражданское общество, которое будет контролировать государство и обеспечивать закрепленную правом экономическую и политическую свободу граждан.

Отсюда и требования к современной российской государственной информационной политике. Она призвана содействовать объединению людей, утверждению в массовом сознании социальной идеи приоритета государственных, общенациональных интересов над частными и узкокорпоративными.

---

[1] См.: 10 лет реформ: Аналитический доклад ИКСИ РАН. М., 2002.

[2] См.: Материалы исследования Социологического центра РАГС (1 – 7 октября 2003 г.) // Социология власти. 2003. № 5, а также материалы социологических опросов ИКСИ РАН за последние три года («10 лет реформ…», «Богатые и бедные…», «Российский средний класс…» и др.).